

оригинальная статья

Конституционная реформа второй половины 1930-х гг. и завершение формирования процессов советской государственности

Гаврилов Станислав Олегович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0003-0748-1217>

gavrosh66@mail.ru

Величко Алексей Михайлович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

Винниченко Олег Юрьевич

Тюменский государственный университет, Россия, Тюмень

Поступила в редакцию 06.12.2022. Принята после рецензирования 26.12.2022. Принята в печать 30.12.2022.

Аннотация: Показаны историко-правовые проблемы, связанные с государственно-правовым развитием СССР на этапе социалистической модернизации. По мнению авторов, мероприятия конституционной реформы второй половины 1930-х гг. следует рассматривать в контексте стратегии легитимизации советского политического режима и завершения процесса формирования социалистической государственности. Выявлена сущность стратегии легитимизации, заключающаяся в провозглашении нового характера государственности, основой которой становится не относительно узкая социальная прослойка фабрично-заводского пролетариата, а общество в целом. Детерминированы сущностные изменения идеологической парадигмы, состоящие в отказе от прежней марксистской идеи об отмирании государства после завершения социалистического строительства. Определены цели стратегии легитимизации, к числу которых отнесены обеспечение устойчивости механизма государственной власти и преемственности политического курса, формирование нового идеологического обоснования подавления оппозиционных настроений и улучшение международного имиджа СССР. Установлена причинно-следственная обусловленность внесения существенных изменений в действующее конституционное законодательство, в том числе новелл, закрепляющих некоторые принципы демократической государственности. В качестве основных причин необходимости разработки Конституции СССР 1936 г. определены стремление власти предотвратить дальнейший рост социальной напряженности в стране, обеспечить соответствие основных положений Основного закона реальным изменениям в социально-экономической и политической сферах на этапе социалистической реконструкции и оптимизацию модели устройства публичной власти. Выявлены факторы, препятствовавшие реализации идеи отказа от съездовской модели построения системы государственного управления СССР, основной из которых – сопротивление региональных элит, преодолению которого должна была способствовать либерализация избирательного законодательства. Выработана новая трактовка политики «большого террора». Сделан вывод, что демократизация законодательства, последовавшая в ходе конституционной реформы, репрессии 1937–1938 гг. и бюрократизация государственного управления представляли собой звенья одной цепи, свидетельствовали о существовании либерально-бюрократической тенденции в государственно-правовом развитии СССР 1930-х гг. **Ключевые слова:** советское государство, легитимизация, либерально-бюрократическая тенденция, избирательное законодательство, политические репрессии

Цитирование: Гаврилов С. О., Величко А. М., Винниченко О. Ю. Конституционная реформа второй половины 1930-х гг. и завершение формирования процессов советской государственности. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 1. С. 66–73. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-66-73>

full article

Constitutional Reform in the Second Half of the 1930s: Completing the Soviet Nation – Building Processes

Stanislav O. Gavrilov

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0003-0748-1217>

gavrosh66@mail.ru

Alexey M. Velichko

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Oleg Yu. Vinnichenko

Tumen State University, Russia, Tumen

Received 6 Dec 2022. Accepted after peer review 26 Dec 2022. Accepted for publication 30 Dec 2022.

Abstract: The article deals with historical and legal problems related to the state and law development of the USSR during the period of socialist modernization. The authors believe that the constitutional reforms of 1936–1939 were part of the Soviet legitimization at the final stage of socialist state-building. The legitimization strategy consisted in the declaration of a new nature

of statehood based not on the narrow social stratum of factory proletariat, but on the society as a whole. The essential changes in the ideological paradigm included the rejection of the former Marxist idea that the state naturally fades away after the socialist construction is completed. The goals of the legitimization strategy included a stable state power, a coherent political course, a new ideology to oppress the opposition sentiments, and a better international image. These goals resulted in significant changes to the constitutional legislation, including the norms that enshrined some principles of democratic statehood. The need to develop the Constitution of the USSR in 1936 arose from the intention of the authorities to prevent social tension, to ensure that the law corresponded to the real socio-economic and political situation, and to optimize the structure of public power. The country could not abandon the congress model of state administration because of the resistance of regional elites, which could have been overcome by a more liberal electoral legislation. The analysis provided a new interpretation of the Great Terror policy. The legal democratization after the constitutional reform, the repressions of 1937–1938, and the bureaucratization of public administration were links in the same chain that revealed a liberal-bureaucratic trend in the state and legal development of the USSR in the 1930s.

Keywords: Soviet state, legitimization, liberal-bureaucratic tendency, electoral legislation, political repressions

Citation: Gavrilov S. O., Velichko A. M., Vinnichenko O. Yu. Constitutional Reform in the Second Half of the 1930s: Completing the Soviet Nation-Building Processes. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(1): 66–73. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-66-73>

Введение

По мнению М. Н. Марченко, единственным критерием определения демократического характера любой государственно-правовой системы может служить только ее способность адекватно отражать и защищать общественный интерес [1, с. 6]. Именно с этой точки зрения, как нам представляется, необходимо рассматривать идею легитимизации большевистского режима, возникшую к середине 1930-х гг. в среде высшего партийно-государственного руководства страны, заключающуюся в провозглашении нового характера государственности, социальной основой которой является уже не относительно узкая в масштабах социальной структуры пролетарская прослойка, а население страны в целом. Общая целевая установка данной идеи заключалась в том, что в условиях легитимизации любые управленческие действия режима будут представляться как общественно значимые и оправданные.

Методы

Основным теоретическим основанием работы являлась методология системно-комплексных исследований, позволившая сформулировать оценку мероприятий партийно-государственного руководства СССР в рамках конституционной реформы второй половины 1930-х гг. в качестве единой партийно-государственной стратегии.

Использовались как общенаучные методы исследования, к числу которых следует причислить анализ и синтез, метод восхождений от абстрактного к конкретному, так и методы юридической науки – формально-догматический и сравнительно-правовой. Диахронный метод использовался в процессе исследования влияния особенностей социально-экономической и политической ситуации в стране на состояние конституционного законодательства.

Диалектический подход в оценке соотношения общего и особенного в историческом процессе дал возможность выявить специфические особенности конституционного законодательства рассматриваемого периода, выявить наличие либерально-бюрократической тенденции

в государственно-правовом развитии СССР на завершающем этапе социалистического строительства, детерминировать динамику взаимоотношений политической элиты на федеральном и региональном уровнях.

Основными методологическими принципами являлись принципы историзма, научной объективности и достоверности. Следование принципу историзма позволило осуществить научную характеристику предмета исследования в динамике, подразумевая при этом тесную взаимосвязь конституционного законодательства 1930-х гг. с предшествующими и последующими периодами развития системы советского государственного права. Реализация принципов объективности и достоверности позволило сформулировать авторскую трактовку репрессивной политики 1930-х гг. в качестве одного из средств, обеспечивших завершение формирования системы советской государственности, основанной на жесткой централизованной вертикали управления.

Легитимизация советского партийно-государственного режима

Стратегия легитимизации советского политического режима на этапе завершения социалистической модернизации 1920–1930-х гг. представляла собой крайне сложный и противоречивый процесс, в ходе которого обнаружились способствовавшие ему и, напротив, сдерживающие процесс факторы.

В качестве первых можно выделить стабилизацию социально-экономических процессов (прекращение открытого гражданского противостояния, завершение коллективизации и процесса перераспределения собственности) и достижение социальной однородности общества.

Среди факторов, затрудняющих легитимизацию режима, следует отметить традиции митинговой демократии 1920-х гг., сохранившиеся элементы сепаратизма региональных элит, съездовское построение органов государственной власти, а также законодательную систему, сформировавшуюся еще в первые годы большевистского

господства, основанную на марксистском правопонимании и классовом подходе [2, с. 50]. При этом самым серьезным препятствием для завершения государственно-правовой институционализации большевистского режима, как ни странно, оказалась сама марксистская идеология: в соответствии с единственно верным учением диктатура пролетариата считалась необходимой лишь для построения социализма. С победой этого строя, должен был начаться процесс отмирания диктатуры пролетариата и отождествляемого с ней социалистического государства [3, с. 133–134]. Тезис о самоликвидации публичной власти рассматривался как один из основополагающих в марксистском государствоведении, более того, был закреплен в Конституции РСФСР 1918 г., утверждавшей, что диктатура пролетариата в виде мощной всероссийской советской власти учреждается в целях полного подавления буржуазии, уничтожения классовой эксплуатации и построения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти¹.

В то же время в глазах руководителей большевистского государства, и в первую очередь И. В. Сталина, целевая направленность стратегии определяла не только возможность, но и необходимость ее реализации, невзирая на все отмеченные выше препятствия, в том числе казавшиеся непреодолимыми.

Во-первых, легитимизация режима и укрепление его социальной базы было призвано обеспечить устойчивость механизма государственной власти и преемственность политического курса, затрудненные в условиях съездовской компоненты и связанной с ней постоянной кадровой ротацией [4, с. 217].

Во-вторых, успешная легитимизация позволила бы сформировать новое идеологическое обоснование подавления оппозиционных настроений. С этой точки зрения не выглядит случайной ситуация, возникшая на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 г., когда И. В. Сталин резко критиковал сторонников идеи отмирания государства, основывавших свое утверждение на основании, что победа социализма означает прекращение классовой борьбы и делает государственное принуждение излишним. Именно тогда руководитель ВКП(б) впервые выдвинул тезис о сохранении и усилении диктатуры пролетариата до полного построения коммунизма, развив его впоследствии на XVIII партийном съезде в 1939 г. При этом, по мнению И. В. Сталина, роль государства и свойственная ему функция принуждения в дальнейшем лишь усилятся: этот вывод вождя логически вытекает из высказанных им в период «Шахтинского процесс» 1928 г., а затем на февральско-мартовском 1937 г. Пленуме ЦК суждений о том, что по мере успехов строительства социализма будет усиливаться сопротивление классового врага и обостряться классовая борьба.

Наконец, повышение уровня легитимности режима в глазах граждан будет способствовать и росту легитимности большевистского государства на международной

арене, станет условием улучшения международного имиджа большевистского режима, необходимого для успешной реализации активной внешнеполитической стратегии. Несмотря на мировой экономический кризис начала 1930-х гг., в какой-то степени восстановивший надежды на активизацию всемирного революционного процесса, внешнеполитический курс советского государства оставался весьма осторожным. Осознание собственной военнотехнической слабости способствовало вступлению СССР в Лигу Наций, прекращению воинственной риторики Коминтерна, формулировке ряда миролюбивых инициатив о всеобщем разоружении и создании системы коллективной безопасности. Реализация данных инициатив требовала формирования более доверительных отношений с европейскими демократиями, что объективно обуславливало необходимость изменения представлений последних об СССР, для чего, в свою очередь, необходимо было придать советской действительности более демократический характер.

Конституционная реформа в рамках стратегии легитимизации

С нашей точки зрения, легитимизация политической власти и преодоление традиций митинговой демократии объективно обусловило необходимость нескольких управленческих мероприятий, к реализации которых большевистское руководство приступило в середине 1930-х гг. Важнейшим среди них являлось внесение существенных изменений в действующее законодательство (прежде всего, конституционное), включение в него принципиально новых норм, закрепляющих некоторые принципы демократической государственности (декларирование основных прав и свобод граждан, включая право на объединение, ныне расцениваемое неомарксистами как доказательство того, что и в условиях социалистической общественной системы вполне возможно существование структур гражданского общества [5, с. 15], провозглашение всеобщего и равного избирательного права и т.д.). Это мероприятие позволяло обеспечить правовое оформление большевистского господства и в то же время придать ему более цивилизованный облик [6, с. 369].

Одним из основных факторов, обусловивших необходимость конституционной реформы 1930-х гг., стала необходимость опровержения отмеченного выше тезиса об отмирании государственности после завершения программы социалистического строительства. Новое «дыхание» этому тезису придавало, на наш взгляд, преждевременное заявление XVII съезда ВКП(б) о победе социализма в СССР. Опираясь на него, многие практики и теоретики государственного строительства поспешили объявить о том, что предсказанный классиками марксизма процесс отмирания государства уже начался. И не в последнюю очередь потому, что одна из важнейших функций диктатуры пролетариата – подавление свергнутых эксплуататоров в условиях исчезновения

¹ Ленин В. И. О государстве. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1970. Т. 39. С. 67.

эксплуататорских классов – просто стала излишней. По мнению сторонников данной позиции², этот процесс, связанный с постепенной передачей ряда государственных функций общественным организациям, представляет собой действие многоэтапное, растянутое во времени, однако его объективный характер не подлежит никакому сомнению.

Конечно, подобные взгляды совершенно не соответствовали реальной ситуации в стране, где стояла задача ускоренного создания тяжелой промышленности и военно-промышленного комплекса, что было возможно только за счет гипертрофированного применения государственного принуждения. Идея укрепления советской государственности основывалась не столько на отмеченном выше мнении И. В. Сталина об усилении классово-борьбы, сколько на необходимости расширения государственного принуждения в ходе ускоренной модернизации экономики и социальной структуры общества [7, с. 284].

Таким образом, по мысли И. В. Сталина, Конституция СССР должна была закрепить тезис не столько об усилении диктатуры пролетариата, сколько о сложившейся в начале 1930-х гг. административно-командной системы управления экономикой и социальными процессами [8, р. 173].

Практическая реализация этого тезиса требовала внесения существенных изменений в механизм государственной власти. Важнейшим из них являлась замена съездовской системы построения государственного управления новой властной вертикалью исполнительных органов, основанной на строгой централизации, при сохранении руководящей роли партийных комитетов ВКП(б)³ [9, с. 121]. Осуществление подобного мероприятия, совершенно необходимого с точки зрения партийного руководства, на деле означало не только оптимизацию государственного управления, но и бюрократизацию Октябрьского режима.

Причинно-следственная обусловленность конституционной реформы второй половины 1930-х гг.

Особое внимание следует уделить характеристике тех факторов, которые способствовали реализации конституционной реформы, обеспечивали высокий уровень ее легитимности.

В первую очередь отметим, что разработка проекта нового Основного закона была оправдана реалиями социально-политического и экономического развития страны предшествующего периода. К моменту завершения реализации 1-го пятилетнего плана развития народного хозяйства большевистское государство де-факто столкнулось с целым рядом обстоятельств, свидетельствовавших о его предкризисном состоянии. К их числу следует отнести снижение темпов роста производительности труда в последний год пятилетки, которое рано или поздно привело бы

и к снижению темпов экономического роста; последствия голода зимы 1932/1933 гг.; рост социальной напряженности в среде крестьянства как результат процессов форсированной коллективизации; осложнение криминогенной ситуации, серьезное увеличение случаев проявления асоциального поведения и показателей уголовной преступности.

Специфика складывавшейся ситуации объективно требовала необходимости передышки, своего рода «сбрасывания пара», способного предотвратить социальный взрыв. Именно в этом контексте стремления к стабилизации следует рассматривать разработку и принятие более сбалансированного 2-го пятилетнего плана, задания которого в большей степени соответствовали реальным финансовым, демографическим и сырьевым ресурсам.

Оцениваемое нами выше как поспешное заявление о завершении построения социализма, прозвучавшее на «съезде победителей» в 1934 г., имело тот же идеологический окрас – любой ценой убедить население в том, что основные сложности реконструктивного периода уже позади. Конечно, сам по себе подобный идеологический лозунг обеспечить необходимую стабилизацию не мог, населению требовались видимые подтверждения этого тезиса, которые руководство страны с готовностью предоставило. К их числу относятся и отмена в начале 1935 г. карточной системы распределения продуктов питания, и легализация свободной торговли на колхозных рынках, и многие иные меры, свидетельствовавшие о намерении государства пойти на восстановление системы экономического стимулирования [10, с. 12].

Вполне укладываются в стратегию стабилизации и мероприятия в сфере правоохранительной деятельности. Политика «ежовщины», начавшаяся в декабре 1934 г., в самой середине 1930-х гг. еще не приобрела существенных характеристик «большого террора». Более того, в 1935 г. наметилась некоторая «оттепель». По инициативе прокурора СССР А. Я. Вышинского в соответствии с Постановлением ЦИК СССР «О снятии судимости с колхозников» (26 июня 1935 г.) были сняты судимости и ограничения в избирательном праве с 768989 человек, в том числе и лиц, осужденных по закону «Об охране имущества государственных предприятий и укреплении общественной (социалистической) собственности» за хищения зерна, принятому 7 августа 1932 г. [11, с. 284]. В конце декабря 1935 г. был отменен запрет для детей лиц, лишенных избирательных прав, на поступление в вузы и техникумы [12, с. 109].

Таким образом, решения XVII съезда ВКП(б), пленумов ЦК ВКП(б) в ноябре 1934 и феврале 1935 г. о разработке и принятии новой Конституции⁴, провозглашающей неотчуждаемые политические, социальные и экономические

² В том числе Н. И. Бухарина и представителей его ближайшего окружения.

³ История Советской Конституции: (в документах). 1917–1956 гг., предисл. и общ. ред. проф. С. С. Студеникина. М.: Госюриздат, 1957. С. 154.

⁴ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Утверждена Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик 5 декабря 1936 г. *История отечественного государства и права*. Ч. 2. М.: Норма, 2017. С. 490–506.

права граждан и гарантирующей, пусть и де-юре, реализацию этих прав, следует рассматривать как одно из существенных условий осуществления стратегии стабилизации.

Вторым фактором, способствовавшим легитимизации большевистского режима в рамках конституционной реформы, являлась международная стратегия, нацеленная на создание системы коллективной безопасности, основанной на сближении с западноевропейскими государствами. Реализации этой задачи должно было способствовать принятие нового Основного закона, из которого были изъяты содержащиеся в Конституции СССР 1924 г. утверждения о том, что образование Союза СССР является «новым решительным шагом на пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику» и что «доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем» [13, с. 69]. Эти утверждения, проникнутые духом конфронтации, в Европе и США закономерно расценивались как подтверждение приверженности идее мировой революции. Оценка последней в качестве программной цели СССР и тем более ее конституционно-правовое закрепление серьезно затрудняли переговоры о создании военно-оборонительных союзов и коалиций.

Наконец, необходимо было привести Конституцию в соответствие с изменившейся социальной структурой общества в связи с победой социализма, зафиксированной в решениях XVII съезда партии⁵. Коль скоро в обществе больше не было остатков эксплуататорских классов, то утратило свою роль и ограничение прав граждан по классовому признаку. Необходимо было расширить права граждан, усилить роль выборных представительных органов власти, коренным образом изменить избирательную систему: ввести всеобщие, равные, прямые выборы при тайном голосовании – и все это закрепить в новой Конституции [14, с. 49; 15, с. 115].

Реформирование избирательного законодательства как важнейшее условие легитимизации режима

Фактором, осложнявшим реализацию новелл конституционного законодательства в середине 1930-х гг., являлось сопротивление региональных элит. Осуществление отмеченных выше мероприятий в контексте либерализации, а также отказ от съездовской модели построения власти как на федеральном, так и на региональном уровнях не могли встретить одобрения со стороны руководителей крупных территориальных партийных комитетов, исполкомов Советов, юрисдикция которых распространялась на значительные территории, представлявшие в условиях съездовской системы своего рода «государства в государстве» [16, с. 46]. Реформа административно-территориального деления 1928–1930 гг. (разукрупнение территорий) [17, с. 211] привела лишь к частичному решению данной проблемы,

для ее окончательного снятия необходима была «зачистка» партийно-советского руководства среднего звена, т. е. избавление его от тех региональных руководителей, представители которого проявляли склонность к самостоятельным управленческим действиям, равно как и той части работников центрального аппарата из числа «старой гвардии», являвшихся хранителями традиций митинговой демократии.

По мнению В. М. Курицына, если верхний эшелон партии, лидеры оппозиции и сторонники митинговой демократии уже были устранены из политического поля с помощью политических процессов 1934–1936 гг., то в отношении второго эшелона, гораздо более многочисленного корпуса региональных руководителей, была изначально запланирована более гуманная и более демократическая процедура ротации – кадровое обновление на основе результатов открытых и альтернативных демократических выборов, предусмотренных проектом Основного закона [13, с. 92].

По мнению ряда исследователей, новеллы Конституции СССР являлись логическим продолжением процессов либерализации избирательного законодательства на протяжении десятилетнего периода [18, с. 188; 19, с. 28]. При этом, с нашей точки зрения, новые принципы организации выборов, помимо их вполне демократического содержания, с точки зрения партийно-государственной элиты имели свой скрытый смысл, имевший в их глазах гораздо большее значение. Право избирать и быть избранными, которым наделялись все граждане СССР с 18-летнего возраста, наряду с переходом от многостепенных выборов по производственному принципу на избирательных собраниях трудовых коллективов, зачастую открытым голосованием, к всеобщим, равным, прямым выборам по территориальным избирательным округам с помощью тайного голосования, означало на деле появление возможности осуществления ротации региональных элит на основе легальной и легитимной процедуры [20, с. 54].

Избирательная система, утвержденная Конституцией 1936 г., нуждалась в детальной правовой регламентации. Поскольку сразу же после Основного закона началась подготовка к проведению выборов в учреждаемый Конституцией высший орган представительной власти – Верховный Совет СССР, первым нормативным правовым актом, призванным детализировать механизм избирательных кампаний, должно было стать Положение о выборах в Верховный Совет СССР, вынесенное на рассмотрение очередной Сессии ЦИК в июле 1937 г. В соответствии с ним право выдвижения кандидатов в депутаты должно быть предоставлено как партийным, комсомольским, профсоюзным и иным общественным организациям, так и общим собраниям трудящихся по предприятиям, учреждениям, колхозам и совхозам. Примечательно, что количество выдвигаемых кандидатов Положением не ограничивалось: выборы проводились по мажоритарной системе, и избранным считался кандидат, получивший

⁵ Сталин И. В. О проекте Конституции СССР, Доклад на VIII Чрезвычайном Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. *Вопросы ленинизма*. 11-е изд. М.: Госполитиздат, 1953. С. 546.

абсолютное большинство голосов [21, с. 67]. Содержание проекта Положения о выборах в Верховный Совет СССР⁶, не исключая возможность их проведения на альтернативной основе и предоставляя право выдвижения кандидатов общественным организациям, не создавало для региональной элиты никакой реальной угрозы: к этому времени территориальные органы ВКП(б) полностью контролировали профсоюзные и иные общественные объединения, чьи региональные организации действовали на их территории, и выдвижение ими абсолютно неприемлемых для руководителей регионов кандидатов было немислимо. Гораздо более серьезную угрозу для хранителей традиций съездовской демократии представляла предусмотренная Положением возможность выдвижения кандидатов на собраниях трудовых коллективов.

Альтернативные выборы тем самым могли превратиться в реальную конституционную действительность. Собственно, лидеры государства лишь приветствовали подобную возможность. В беседе с американским журналистом Р. Говардом в августе 1937 г. И. В. Сталин прямо раскрывал свой план осуществления ротации старой политической номенклатуры – секретарей территориальных комитетов ВКП(б), руководителей отраслевых органов управления, зачастую не обладавших профессиональными знаниями, столь необходимыми в условиях социалистической модернизации, ее замены новой когортой советских руководителей, подготовленными специалистами, выдвинутыми из среды рабоче-крестьянской интеллигенции.

Репрессивная политика в контексте конституционной реформы

Тем не менее в первоначальный замысел осуществления «бескровной кадровой революции», основанной на альтернативных выборах в Верховный Совет СССР, а затем и в нижестоящие Советы депутатов трудящихся всех уровней пришлось вносить коррективы. Региональные партийные руководители, небезосновательно почувствовав в демократических новеллах проекта Положения определенную угрозу незыблемости своей власти, избрали весьма своеобразный способ противодействия. Не выступая принципиально против нового узаконения на трех прошедших в июне и декабре 1936 г., феврале-марте 1937 г. Пленумах ЦК ВКП(б), поддержав решение последнего из них об отмене сложившейся практики кооптации членов партийных комитетов по рекомендации вышестоящих партийных органов⁷, первые секретари краевых и областных комитетов ВКП(б) инициировали кампанию борьбы с контрреволюционной деятельностью антисоветских элементов. Последние, по их мнению, воспользовавшись предоставленными им конституционными правами, объявили открытую

войну большевистскому государству, и задача последнего состоит в их немедленном уничтожении. В результате их давления июньский пленум ЦК ВКП(б) 1937 г., утвердивший проект Положения о выборах в Верховный Совет СССР, одновременно одобрил постановление Политбюро, утвердившее применение смертной казни по отношению к руководителям кулацких, прочих антисоветских повстанческих организаций и легализовавшее чрезвычайные органы территориального управления (тройки) во главе с первыми секретарями территориальных комитетов ВКП(б)⁸.

Последовавшая вслед за этим кампания распределения «лимитов» на применение мер уголовной репрессии в отношении антисоветских элементов, сопровождавшаяся постоянными запросами первых секретарей в Политбюро о предоставлении все новых и новых «расстрельных квот», удовлетворением этих запросов и последующим приведением приговоров в исполнение, т. н. «ежовский террор», со стороны партийного аппарата представляла собой вполне продуманную акцию. Региональная партийная номенклатура стремилась любой ценой не допустить ни малейших поползновений на собственную власть. Она в полной мере прочувствовала высокую степень угрозы, таившейся в демократических нововведениях избирательного законодательства, и, инициируя кампанию по искоренению «врагов народа», стремилась показать центру свою реальную силу и недопустимость своего устранения.

Казалось, что на определенном этапе скрытого саботажа региональной элитой новелл избирательного процесса последней удалось взять верх над центром. По свидетельствам Ю. Н. Жукова, во время голосования на заседании Политбюро 10 октября 1937 г. по данному вопросу за сохранение альтернативности выборов голосовали И. В. Сталин, В. М. Молотов, А. А. Андреев и М. И. Калинин, в то время как за систему «один кандидат – один депутат» и отмену альтернативности выборов отдали свои голоса К. Е. Ворошилов, А. М. Каганович, А. И. Микоян, С. В. Косиор, В. Я. Чубарь и Н. И. Ежов.

Голосование на Политбюро предопределило результаты Октябрьского 1937 г. Пленума ЦК ВКП(б). В принятом на нем Постановлении «Об организационной и агитационно-пропагандистской работе партийных организаций в связи с выборами в Верховный Совет СССР» фактически подверглось ревизии Положение о выборах в Верховный Совет СССР, несмотря на то что оно уже было утверждено сессией ЦИК СССР и обрело силу закона. Новое узаконение закрепило положение о выдвижении единых кандидатов от блока беспартийных и коммунистов, снижало и долю беспартийных среди депутатов с предполагавшихся ранее 40 до 25 % и, самое главное, устраняло возможность выдвижения кандидатов

⁶ Ставшего в последующем основой для аналогичных Положений о выборах в Верховные Советы Союзных республик.

⁷ То есть пойдя на фактическое ограничение своих возможностей формировать послушный себе аппарат регионального партийного управления.

⁸ 28 июня 1937 г. «тройка» в составе С. Н. Миронова (Короля), начальника управления НКВД, И. И. Баркова, прокурора, и Р. И. Эйхе, 1-го секретаря крайкома ВКП(б), была создана в Западно-Сибирском крае, а 2 июля 1937 г. система «троек» была распространена на всю территорию СССР.

в депутаты трудовыми коллективами на предприятиях, совхозах и собраниях колхозников [11, с. 479]. Все это автоматически исключало возможность появления альтернативных кандидатов в депутаты и устанавливало систему «один кандидат – один депутат», невзирая на то, что ни в Конституции, ни в Положении о выборах такая система не предусматривалась.

После поражения в негласной борьбе со сторонниками сохранения традиций митинговой демократии руководство страны берет курс на устранение региональной партийной бюрократии путем использования того самого средства, с помощью которого ранее она сама стремилась продемонстрировать свою востребованность и эффективность. Ротация региональной элиты произошла не на основе изначально запланированной организации системы альтернативных выборов – последнее препятствие на пути реализации стратегии легитимизации режима и конституционной реформы было устранено с помощью ужесточения репрессивной политики. В 1937–1939 гг. (по другой версии – в 1937 – ноябре 1938 г.) [22, с. 449] второй эшелон политической элиты был практически ликвидирован путем арестов по надуманным обвинениям и расстрелов.

Данное обстоятельство, с нашей точки зрения, окончательно закрывает вопрос о необоснованном характере политических репрессий второй половины 1930-х гг. Мы абсолютно солидарны со мнением С. А. Павлюченкова: «Вопрос о терроре, может быть, как никто другой, требует строгого соблюдения принципов историзма и конкретности. Демагогам и политикам легко играть на том, что большинству нормальных людей не нравится цвет крови в истории» [23, с. 201]. Неприятие насилия в качестве одного из действенных факторов исторического процесса отнюдь не означает необоснованности его применения в конкретной политической ситуации. Так и репрессивная политика 1937–1939 гг. имела под собой сразу два основания: для региональных партийных руководителей она была своего рода средством к борьбе за выживание в условиях реализации демократических новелл конституционного законодательства; для партийно-государственной элиты она являлась одним из решающих рычагов в реализации стратегии легитимизации государственно-партийного режима при сохранении строгой бюрократической вертикали власти, избавившейся от пережитков съездовской демократии и угрозы регионального сепаратизма.

Литература / References

1. Марченко М. Н. Советское и постсоветское государство и право (сравнительно-правовое исследование). М.: Проспект, 2017. 368 с. [Marchenko M. N. *Soviet and post-Soviet state and law: comparative legal research*. Moscow: Prospekt, 2017, 368. (In Russ.)] EDN: XWLVUH
2. Гаврилов С. О. К вопросу о либерально-бюрократической тенденции 1930-х гг. *Наука и практика: диалоги нового века*: Всерос. конф. (Анжеро-Судженск, 14 ноября 2003 г.) Анжеро-Судженск: Твердыня, 2003. Ч. 1. С. 47–50. [Gavrilov S. O. The liberal-bureaucratic trend in the 1930s. *Science and practice: dialogues of the new century*: Proc. All-Russian Conf., Anzhero-Sudzhensk, 14 Nov 2003. Anzhero-Sudzhensk: Tverdynya, 2003, pt. 1, 47–50. (In Russ.)] EDN: QTHGZB
3. Недобежкин С. В. Проблемы и противоречия становления советской правовой системы в условиях НЭПа. *Исторические основания правовой науки*, ред. К. Е. Сигалов, С. В. Недобежкин. М.: Юрист, 2012. С. 123–142. [Nedobezhkin S. V. Problems

Заключение

Направленность и результаты практических мероприятий в рамках конституционной реформы второй половины 1930-х гг. обеспечили легитимизацию большевистского политического режима и означали завершение процесса институционализации советской государственности. С точки зрения авторов, и «импровизированная демократизация» (определение профессора Б. Бонвича), следовавшая в ходе конституционной реформы, и репрессии 1937–1938 гг., и бюрократизация государственного управления представляли собой звенья одной цепи, свидетельствовали о существовании крайне противоречивой либерально-бюрократической тенденции в государственно-правовом развитии СССР 1930-х гг.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: С. О. Гаврилов (60 %) – проведение исследования, анализ материалов, редактирование и подготовка окончательного варианта статьи. А. М. Величко (20 %), О. Ю. Винниченко (20 %) – проведение исследования, сбор и обработка данных из источников, анализ материалов, подготовка первого варианта статьи.

Contribution: S. O. Gavrilov (60%) performed the research, analyzed the materials, and edited the final version of the article. A. M. Velichko (20%), O. Yu. Vinnichenko (20%) conducted the research, collected and processed the data, analyzed the materials, and prepared the initial version of the article.

Благодарности: Статья подготовлена по материалам доклада на Международной научной конференции «Современные правовые и международно-правовые вопросы культурно-исторических типов (к 200-летию со дня рождения Н. Я. Данилевского)». Москва-Кемерово, 14–15 октября 2022 г.

Acknowledgment: The article was reported at the International Scientific Conference of Modern Legal and International Legal Issues of Cultural and Historical Types dedicated to N. Ya. Danilevsky, Moscow-Kemerovo, October 14–15, 2022.

- and contradictions of the formation of the soviet legal system under the New Economic Policy. *Historical foundations of legal science*, eds. Sigalov K. E., Nedobezhkin S. V. Moscow: Iurist, 2012, 123–142. (In Russ.)] EDN: UAJQGD
4. Винниченко О. Ю. Перестройка местных органов власти Урала на основе Конституции СССР 1936 г. *Конституционные основы организации и функционирования институтов публичной власти в РФ*: Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 20–21 апреля 2000 г.) Екатеринбург: УрГЮА, 2001. С. 216–220. [Vinnichenko O. Yu. Restructuring of local authorities of the Urals on the basis of the Constitution of the USSR in 1936. *Constitutional foundations for the organization and functioning of public authorities in the Russian Federation*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Ekaterinburg, 20–21 Apr 2000. Ekaterinburg: UrSLA, 2001, 216–220. (In Russ.)] EDN: XGOXUN
 5. История и современные тенденции развития гражданского общества и государства: правозащитный аспект, ред. С. О. Гаврилов, А. В. Гаврилова. М.: Проспект, 2019. 429 с. [*The history and modern trends in the development of the civil society and the state: the human rights aspect*, eds. Gavrilov S. O., Gavrilova A. V. Moscow: Prospekt, 2019, 429. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31085/9785392296811-2019-432>
 6. Максимова О. Д. Законотворчество в СССР в 1922–1936 годах. М.: Зерцало-М, 2014. 399 с. [Maksimova O. D. *Legislation in the USSR in 1922–1936*. Moscow: Zertsalo-M, 2014, 399. (In Russ.)] EDN: VRRWHP
 7. Пайпс Р. Россия при большевиках. М.: РОССПЭН, 1997. 670 с. [Pipes R. *Russia under the Bolshevik regime*. Moscow: ROSSPEN, 1997, 670. (In Russ.)]
 8. Armstrong J. *The politics of totalitarianism*. NY, 1963, 643.
 9. Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории советской Конституции. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1987. 364 с. [Kukushkin Yu. S., Chistyakov O. I. *Essay on the history of the Soviet Constitution*. 2nd ed. Moscow: Politizdat, 1987, 364. (In Russ.)]
 10. Чернов М. П. Упрочение и развитие социализма (1937 – июнь 1941 г.). М.: Высш. шк., 1966. 39 с. [Chernov M. P. *Strengthening and development of socialism (1937 – June 1941)*. Moscow: Vyssh. Shk., 1966, 39. (In Russ.)]
 11. Жуков Ю. Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М.: Вагриус, 2005. 510 с. [Zhukov Y. N. *Another Stalin. Political reforms in the USSR in 1933–1937*. Moscow: Vagrius, 2005, 510. (In Russ.)] EDN: QPBHAF
 12. Папков С. А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН, 2012. 440 с. [Papkov S. A. *Terror as it is. The policy of Stalinism in Siberia*. Moscow: ROSSPEN, 2012, 440. (In Russ.)] EDN: QPXOBP
 13. Курицын В. М. История отечественного государства и права. 1929–1945 гг. М.: Юнити-Дана, 2016. 407 с. [Kuritsyn V. M. *History of Russian state and law: 1929–1945*. Moscow: Iuniti-Dana, 2016, 407. (In Russ.)] EDN: UWFZLB
 14. Шевляков А. С. Отечественные Конституции (1918–1993). История. Документы. Вопросы. Томск: Изд-во НТЛ, 1998. 160 с. [Shevlyakov A. S. *Russian Constitutions in 1918–1993. History. The documents. Questions*. Tomsk: Izd-vo NTL, 1998, 160. (In Russ.)] EDN: VVKKHF
 15. Кабанов В. В. Из истории создания Конституции СССР 1936 г. *История СССР*. 1976. № 6. С. 109–121. [Kabanov V. V. Creation of the USSR Constitution in 1936. *Istoriia SSSR*, 1976, (6): 109–121. (In Russ.)]
 16. Рассел Б. Практика и теория большевизма. М.: Наука, 1991. 123 с. [Russel B. *The practice and theory of Bolshevism*. Moscow: Nauka, 1991, 123. (In Russ.)]
 17. История государственного управления в России, ред. А. Н. Маркова. М.: Закон и право, 1997. 279 с. [*History of public administration in Russia*, ed. Markova A. N. Moscow: Zakon i pravo, 1997, 279. (In Russ.)]
 18. Чистяков О. И. Конституция СССР 1918 г. М.: Зерцало, 2003. 215 с. [Chistyakov O. I. *The Constitution of the USSR of 1918*. Moscow: Zertsalo, 2003, 215. (In Russ.)]
 19. Гаврилов С. О. Местные Советы Российской Федерации в предвоенный период. Новосибирск: СО РАН, 2003. 373 с. [Gavrilov S. O. *Local Councils of the Russian Federation in the pre-war period*. Novosibirsk: SB RAS, 2003, 373. (In Russ.)] EDN: QORYJT
 20. Ивин В. «Праздник демократии»: к истории первых всеобщих выборов в СССР. *Российская Федерация*. 1993. № 2. С. 54–55. [Ivin V. "A Carnival of Democracy": the history of the first general elections in the USSR. *Rossiiskaia Federatsiia*, 1993, (2): 54–55. (In Russ.)]
 21. Ким А. И. Советская избирательная система. М.: Госюриздат, 1962. 80 с. [Kim A. I. *Soviet electoral system*. Moscow: Gosjurizdat, 1962, 80. (In Russ.)]
 22. Сырых В. М. Судостроительство и судопроизводство периодов НЭПа и построения основ социализма (1921–1956 гг.). М.: Норма, 2021. 687 с. (История суда и правосудия в России. Т. 7.) [Syrykh V. M. *Judiciary and legal proceedings of the New Economic Policy and building the foundations of socialism (1921–1956)*. Moscow: Norma, 2021, 687. (History of court and justice in Russia, vol. 7.) (In Russ.)]
 23. Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: власть и мифы. М.: Рус. книгоизд. Товарищество-История, 1997. 272 с. [Pavlyuchenkov S. A. *War communism in Russia: power and myths*. Moscow: Rus. knigoizd. Tovarishchestvo-Istoriia, 1997, 272. (In Russ.)]